

Большой от Григоровича до Васильева

2 января вечером балета "В честь Юрия Григоровича" Большой театр отметил 70-летие со дня рождения и 50-летие творческой деятельности этого крупнейшего русского балетмейстера конца 50-х — начала 80-х годов.

В его программу вошли вторые действия "Легенды о любви", "Щелкунчика", "Спартака", которые кордебалет и солисты исполнили с должным пиететом к хореографическому тексту, но весьма формально. И только картина "Аппиева дорога" да Спартак сильно возмужавшего за последнее время Ю. Клевцова напомнили о былых триумфах мастера, о заветах "театра Юрия Григоровича". Другим же солистам, даже такому танцовщику Божьей милостью, как Николай Цискаридзе, они еще недоступны.

Первые исполнители его постановок чаще всего оставались и лучшими. Ведь Григорович, словно баловень судьбы, со времен балетмейстерского дебюта был окружен мудрейшими советниками, такими, как художник С. Вирсаладзе, звездами и одаренной молодежью. Именно для этих танцовщиков, имена которых уже стали легендой, он сочинял свои насыщенные особой энергетикой оригинальные произведения, редакции балетов классического наследия, сам замечательно их репетировал, воодушевляя солистов и кордебалет. Строго выверяя драматургию балетов, он тем не менее оставлял пространство для актерского самораскрытия.

Конечно, власти ожидали от него мифотворчества и прекрасных легенд, но только "на заданную тему" — о подвигах и славе, бескорыстном служении народу, счастливой, полной чудес и пафоса жизни. Будучи почти тридцать лет главным балетмейстером ведущего театра страны, он был вынужден выполнять определенный социальный заказ, притом поддерживая иллюзию свободы творчества.

Лишь год спустя после триумфа "Спартака" Григорович впервые в "Лебедином озере" попытался заговорить о глубоких внутренних противоречиях, терзающих душу героя-романтика. Но его тут же поставили на место, предложив переделать концепцию балета.

И все-таки вопреки любым официальным установкам многие его балеты имели неожиданный подтекст. Трудно сказать, кто главный герой "Спартака": вождь восставших рабов или полководец Древнего Рима, культура которого так привлекала Григоровича? Кем был его царь Иван: черным человеком с крестом на груди, поджидающим, словно паук, очередную жертву в центре символической паутины, или же героем Достоевского, распятым властью, утратившим веру в Бога и любовь? Даже в бытовой арбузовской пьесе "Иркутская история" Григорович обнаружил черты романтической баллады. А геройствующий под красными знаменами Борис в "Золотом веке" отдыхал душой в неземных любовных дуэтах, которые скорее под стать булгаковским Мастеру и Маргарите (Григорович мечтал поставить балет по знаменитому роману М. Булгакова), чем комсомольцу и ресторанной диве. Да и фантазмагорическая чертовщина ресторанных сцен этого балета скорее воспринимается как эскизы так и неосуществленного балета. А дарование, сам внешний облик его музы — лучшей Жизели московской сцены Наталии Бессмертной — невольно уводили от современности в иное измерение.

Вопреки всему Григорович был и оставался романтиком. Но, будучи художником умным и талантливым, он понимал, что завершилась "эра Григоровича" и уже ничего изменить нельзя. Он страдал от публичного одиночества, искал забвения. Пошли ему Бог веру и душевный покой, без которых немислимо созидание нового.

В Большой театр пришли другие люди, по-иному смотрящие на мир, балетное искусство. И все-таки надеюсь, что лучшие балеты Юрия Григоровича еще долго будут жить в репертуаре театра.

Виолетта МАЙНИЦЕ.